

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

**Перформативный опыт современного дискурса культуры в рецепции
«скриптор-актант-читатель»**

Комисар Людмила Петровна

Кандидат наук

*Киевский национальный лингвистический университет, кафедра философии, Киев,
Украина*

E-mail: ludmila.komisar@gmail.com

Слово хочет быть услышанным, понятым, отвеченным и снова отвечать на ответ, и так *ad infinitum*.

(М. Бахтин).

Действие является преимущественно деянием говорящего человека.

(П. Рикер).

В нашем исследовании мы кратко очертим горизонты современного перформативного культур-философского дискурса и в его границах репрезентируем новое направление рецептивной парадигмы культуры.

Прежде всего, обратимся к постструктуралистским интенциям: вспомним революционную в контексте «эпистемологического сдвига» западной гуманитаристики «десакрализацию» (или – более радикально – смерть) автора-субъекта (Р. Барт, М. Фуко) [1; 6]. На наш взгляд, именно такой поворот впервые сделал возможным «освобождение» читательской интерпретативной креативности, что, без сомнения, изменило общий контекст рецепции в дискурсе философии культуры: с 70-х гг. XX в. и по сей день «структура чтения» доминирует над «чтением структуры». Можно также привести пример методических интенций У. Эко – в частности, касательно ведущей роли «Читателя-Модели» в конституировании культур-семиотического дискурса второй половины XX в. [3]; а также о чтении как виде культурной активности, переводе и толковании, акцентируя внимание на типологии читателей и проекте «идеального читателя» [4].

В свете вышесказанного вполне резонно заявить о читателе (*и о скрипторе*) как бесконечном смысловом пространстве *гиперцитации* (*курсив наш. – Л. К.*), ведь именно «сквозь читателя» текст набирает собственную активную актуальность. Как авторитетно обозначил Р. Барт: говорит не автор, а язык как таковой, уже не «я», а сам язык действует, «перформирует» [1, 385].

Рассмотрим истоки понятия перформативности (в данном фрагменте исследования в контексте философии культуры), ведь, как известно, современный философский дискурс в целом имеет четко выраженный перформативный фундамент. У Р. Барта скриптор-«актант» воспринимается исключительно сквозь призму перформативного понимания: «...лингвисты вслед за философами Оксфордской школы именуют перформативом – есть такая редкая глагольная форма, употребляемая исключительно в первом лице настоящего времени, в которой акт высказывания не включает в себе иного содержания (иного высказывания), кроме самого этого акта: например, ... «Пою» в устах древнейшего поэта. Следовательно, современный скриптор, покончив с Автором, ... утратив всякую связь с голосом, совершает чисто начертательной (а не выразительный) жест и очерчивает некое знаковое поле, не имеющее исходной точки, – во всяком

случае, оно исходит только из языка как такового, а он неустанно ставит под сомнение всякое представление об исходной точке» [1, 387].

Обоснуем также роль методологического аспекта перформативности. В данном контексте вполне логично обратить внимание на французскую традицию аналитического структурализма, в частности, на методологический фундамент конституирования актантных моделей как принципов организации семантического универсума (*то есть культурного дискурса в целом*). Показательная роль здесь принадлежит, без сомнения, Альгирдасу-Жюльену Греймасу (A.-J. Greimas). Теоретик в «Размышлениях об актантных моделях» («Réflexions sur les modèles actantiels») акцентирует: «когда актанты уже установлены, то есть получили содержательное наполнение, и возникает необходимость описать тот микроуниверсум, внутри которого они существуют или действуют. . . . Функции – это роли отдельных слов, так что всякое предложение суть перманентный спектакль, который *homo loquens* разыгрывает для самого себя. В самом деле, конкретное содержание поступков варьируется, актеры меняются, а предложение-спектакль остается неизменным, поскольку его перманентность гарантируется одним и тем же распределением ролей» [7, 174-176]. Таким образом, при попытке нахождения общего для актантов смысла деятельности, их взаимоотношений и способов сосуществования в конкретном универсуме, исследователь использовал методологическую почву знаменательной «Морфологии сказки» В. Проппа, где, вспомним, постулируется 7 актантов, каждый из которых – ячейка организованных семем – неподвижных узлов аксиологической сетки. Здесь интерпретация смысловых эффектов открывает благодаря собственному энергетизму актантов бесконечные возможности для перманентного процесса-действия [7, 179]. То есть *актант – это инерционная сила, способная адекватно отразить – более того – свободно интерпретировать «смысловые эффекты», генерируя бесконечные возможные «прочтения» культурного знаково-символического универсума.*

Можно сказать, что мы наблюдаем в сегодняшнем опыте культуры свершение провокационных прогнозов Х. Борхеса: «Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее и грядущее и каким-то чудом вмещал всю Вселенную; . . . сад расходящихся тропок; . . . лабиринт символов» [2, 86-90]. И так, современная сетевая социокультурная действительность (или *гиперреальность*) XXI в. сумела создать *гиперлабиринт*, где – в метафорическом смысле – может «потеряться» каждый [5].

Современный *скриптор-читатель-актант*, уподобляясь герою цитированного эссе Борхеса, следует по бесчисленным временным рядам, «в растущую, головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. Эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности; . . . Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего» [2, 93].

Таким образом, мы можем утверждать (несмотря на существующую критику методологии аналитического структурализма и позицию касательно «неактуальности» постструктурализма как интеллектуального течения) об активной актуальности в XXI веке методологии актантов-сеток, перманентно продуцированные ячейки которых перформативно конституируют социокультурную действительность, которая, в современной рецептивной ситуации, всегда знаково-символична.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. М., 1994. С. 384-392.
2. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // Проза ранних лет. М., 1984. С. 86-93.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., М., 2005. 502 с.
4. Эко У. Сотворить читателя // Заметки на полях “Имени розы”. СПб, 2002. С. 53-60.
5. Комісар Л.П. Проблемність становлення дискурсу сучасної гіперреальності в контексті віртуалізації соціокультурної дійсності // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. №29. К., 2013. С. 196-208.
6. Фуко М. Що таке автор? // Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки [за ред. М.Зубрицької]. Львів, 1996. С. 442-456.
7. Greimas A.-J. Réflexions sur les modèles actantiels // Sémantique structural. P., 1966. P. 172-186.